

Самые интересные вопросы 24.09.03
(сир)

Игнат Солженицын: Ненавижу, когда оркестрантам все по фигу

Вчера у Игната Солженицына был день рождения. Дата некруглая – 31 год, но все равно: поздравляем! Сын великого писателя сам писателем не стал, но считает, что продолжает дело отца. Потому что оба они – художники.

■ Владимир НУЗОВ

– Игнат, где вы получили музыкальное образование, как складывалась карьера?

– Музыкальное образование я получил в Соединенных Штатах, где вырос, потом в Англии, а потом снова в Штатах. Но формирование мое как личности и как музыканта прошло в Лондоне, куда я поехал ради выдающегося педагога Марии Курчо, которая около сорока лет преподает там частным образом. Вернувшись из Англии, я поступил в Институт Кёртиса – филладельфийскую консерваторию, лучшую в Америке, если не в мире.

– А Джульярдская школа? А «Манхэттен скул оф мьюзик»?

– Джульярд – хорошая консерватория, а МСМ не идет ни в какое сравнение с Институтом Кёртиса. Джульярд принимает слишком много студентов – как бы это сказать? – среднего качества. Я не говорю о балетном или театральном отделении, я их не знаю, а на музыкальном отделении там учится около 800 человек. В Кёртисе же в общей сложности всего 160 студентов. Кёртис – музыкальный вуз высочайшего класса. Я учился там на двух факультетах: дирижерском и фортепианном.

– Трудно учиться на двух факультетах сразу?

– Конечно. Это очень серьезное дело. Но в 1995 году я консерваторию окончил, через четыре года женился. Уезжать из Филладельфии причины не было, поэтому я там и остался. А теперь, когда я летаю по всему миру, немаловажное значение имеет то, с каким аэропортом ты чаще всего связан. Филладельфийский, честно говоря, нравится мне больше, чем любой из нью-йоркских. С Филладельфийским камерным оркестром я сотрудничаю со студенческих лет, сегодня я – главный дирижер.

– Как становятся главным дирижером? Как это делается?

– Никак специально не делается, надо дать возможность событиям или карьере развиваться самостоятельно. Очень важно, чтобы это было постепенно. Каждый раз, когда я слышу об очередном вундеркинде, у меня сжимается сердце. У всех, кто с этим связан, неправильный, порочный подход. У этих детей отнимают друзей, возможность пробегаться, поплавать, построить в лесу какой-то домик и тому подобное.

– Значит, вы против вундеркиндизма?

– Страшно против! Что по-настоящему трагично? Эти дети – а они еще дети! – не имеют за душой что сказать людям. Нас поражает как раз то, что они – маленькие, поражают их техниче-

ские способности. Но этого не может хватить на всю жизнь. Заметьте, что к 25–30 годам о вундеркиндах, за редчайшим исключением, забывают. Нужно не только не торопить молодых музыкантов, а, наоборот, следить за постепенностью развития. В этом смысле мне очень повезло, потому что ни мои родители, ни учителя, что не менее важно, ни в коем случае не давили на меня. Принято считать, что для музыканта образование дело десятое, что он может быть, извините, круглым ослом во всем, что не касается музыки. Но, выходя на сцену играть симфонию Бетховена или концерт Моцарта, что он может сказать, не имея опыта жизни, любви, имея узкий кругозор?

– А где вы получили общее образование?

– Мои родители дали мне и братьям прекрасное домашнее образование. Они сами занимались с нами русским языком, математикой, физикой, астрономией, русской историей.

– Тем более что Александр Исаевич по профессии педагог...

– Скажу больше: он – замечательный педагог! Он, может быть, самый лучший учитель, с которым я встречался в жизни. Он обжигает, увлекает! Ты абсолютно не замечаешь времени, хочешь узнавать и узнавать дальше. Его урок похож на самое захватывающее приключение, как приключения Гекльберри Финна или Шерлока Холмса. Родители привили нам главное – любовь к процессу узнавания. Я думаю, отсюда и моя страсть к чтению. Я читаю и беллетристику, и книги по экономике, политике, науке. Предпочитаю на русском и английском, но могу читать и по-французски, и по-итальянски, и по-немецки.

– От кого вы унаследовали музыкальность?

– Подарок Бога, наверное, потому что в нашей семье музыкальных традиций нет.

– В какой момент вы поняли, что станете музыкантом?

– Я начал заниматься музыкой довольно поздно, лет в девять, и уже года через полтора мне стало ясно, что без музыки жизнь для меня не имеет смысла.

ДОСЬЕ «ВМ»

Игнат Солженицын, сын легендарного писателя, успешно совмещает карьеру дирижера и пианиста. С 1997 г. – главный дирижер Камерного оркестра Филладельфии. В качестве приглашенного дирижера часто выступает с крупными оркестрами Бостона, Чикаго, Филладельфии, Сент-Луиса, Лос-Анджелеса, Сиэтла, Балтимора, Вашингтона, Монреаля, Лондона, Парижа, Неаполя, Санкт-Петербурга, Израиля, Сиднея. Дает много сольных концертов как пианист. Участвует в международных фестивалях – в Эвиане, Людвигсбурге, Охай, Марлборо, Нижнем Новгороде, в московских «Декабрьских вечерах».

ФОТО ИТАР-ТАСС

– Кем вы считаете себя как исполнитель? Романтиком, интеллектуалом, виртуозом?

– Трудно сказать. Лучше всего я отвечу словами Шостаковича: «Я солдат музыки». Задача исполнителя существенно отличается от задачи композитора. Когда-то это было одно и то же, потом – раздвоилось. Пианист, певец, дирижер не должен, не имеет права подминать под себя композитора. То есть прокручивать музыку в своей внутренней мясорубке, а на выходе получать некий смешанный фарш.

– Как складывалась ваша карьера исполнителя?

– Первый публичный концерт я дал в 10 лет. Но я не могу сказать, что моя карьера пианиста началась именно тогда. Слава Богу, что не началась. Мало-помалу концертов становилось больше. В десять лет я сыграл два концерта, в следующем году – три, и так далее. Сейчас мне тридцать лет, уже лет десять я выступаю, как говорится, фул тайм, побывал примерно в 25 странах мира, объездил всю Европу, Америку, был на гастролях в 47 штатах! Выступал в Японии, в Австралии. Каждый год у меня гастроль в России. Бываю не только в Москве и Петербурге, но и в провинции: в Екатеринбурге, Самаре, Новосибирске, Нижнем Новгороде. Здесь серьезное, глубокое отношение к музыке, мало чем уступающее Москве и Санкт-Петербургу. Мне приятно выступать в России, к тому же это для

меня способ поближе познакомиться со страной, от которой нас, братьев, оторвали в самом юном возрасте.

– В настоящее время вы – главный дирижер Филладельфийского камерного оркестра. Сколько лет вы им руководите? Назовите хотя бы «ударные» произведения.

– Во главе оркестра я седьмой год. Много играем Моцарта и Бетховена. Играем Гайдна, Шуберта, Мендельсона. Музыка XVIII века. И массу – XX века: Бартока, Бриттена, Шостаковича.

– С кем из известных музыкантов довелось выступать?

– Ростропович, Ашкенази, великое сопрано Сильвия Макнер, Лучано Паваротти, Гэри Граффман... В качестве солиста я работал с такими дирижерами, как Превин, Бломстед, Заваллиш, Пендерецкий, Дютюа.

– Вы участвовали в конкурсах пианистов или дирижеров?

– В свое время я выиграл премию «Эвери Фишер прайз», которая в какой-то степени помогла моей карьере. А вообще конкурсы дело порочное. Они имеют слабое отношение к самому нашему делу, к музыке.

– Жена часто бывает на ваших концертах?

– Стараюсь, хотя сейчас это

делать труднее – у нас двое маленьких детей. Она врач-психотерапевт, но музыку боготворит.

– Хотите ли вы с Кэролин, чтобы дети стали музыкантами?

– Во-первых, нашей малышке только 10 месяцев, старшему тоже не много – 2 года. Но у мальчика способности к музыке есть. Мне рассказывали, что в моем раннем детстве чуть музыку играю – я останавливался как вкопанный и просил еще. То же самое, я вижу, происходит с сыном. Хотим ли мы видеть их музыкантами? Я очень хочу, чтобы дети разделяли со мной неземную радость, которую приносит музыка.

– У вас в Филладельфии дом, апартаменты? Если получите предложение, скажем, из России или Европы, поедете?

– Жизнь в Филладельфии мы очень довольны. У нас дом, в Америке купить его несложно. Что будет дальше – кто знает? Предложения о работе все время приходят, но принимать их или не принимать – зависит от того, имеет ли новая работа художественный, творческий смысл. Оркестр может быть не очень знаменит, но атмосфера в нем – творческая, есть беззаветная любовь к музыке. И наоборот. Я дирижировал многими симфоническими оркестрами с громкими именами. И встречал иногда абсолютно мертвое отношение к музыке! Им все по фигу!

– Как часто вы бываете в Москве, видите с родителями?

– Как минимум два раза в год. Обычно, даже если гастролью не в Москве, заезжаю навестить родителей. И стараюсь хотя бы раз в год приехать в Москву без гастрольей, частным образом, именно для того, чтобы погостить у них, помочь им в работе – им всегда не хватает рук: переводчиков, корректоров и так далее.

– Где живут ваши братья?

– Старший, Ермолай, живет в Москве, уже пять лет, довольно основательно там засел. Он тоже женат, у него двое детей, работает консультантом в крупной американской компании. Они помогают русским фирмам стать на ноги, быть успешными в бизнесе. А Степан живет в Нью-Йорке. Он тоже консультант, но совсем в другом направлении – в энергетике. Он вовлечен сейчас в проект строительства новой нью-йоркской электростанции.

– Где они учились?

– Оба окончили Гарвард; аспирантуру Ермолай закончил в Принстоне, а Степан – в Массачусетском технологическом институте, одной из лучших инженерных школ Америки.

– Что бы вы пожелали россиянам, живущим в Америке?

– Не забыть Россию. Не забывать, какая она несчастная, невезучая и все-таки – прекрасная страна, сколько в ней того, чем мы дорожим: духовности, щедрости, христианского отношения к близким, открытости. Русская культура, музыка, литература остаются великими.